

Гончарова В.А.**ЭКСПЕРТИЗЫ В ДЕЛАХ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

Статья посвящена определению доказательственного значения судебных экспертиз в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, и выявлению проблем в их практическом применении. На основе исследования существующих научных работ делается вывод об общем положительном потенциале подобных экспертных мероприятий. В то же время анализ процессуального законодательства свидетельствует о наличии препятствий в их адекватном и справедливом использовании.

Ключевые слова: моральный вред, судебная экспертиза, моральные страдания, достоинство личности, вред здоровью.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

15 ноября 2022 года Пленумом Верховного Суда РФ было опубликовано постановление №33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – постановление №33), пришедшее на смену разъяснениям 1994 года. Примечательной особенностью нового постановления явилось значительное расширение Верховным Судом РФ перечня ориентиров для правоприменителей, которые следует учитывать при определении размера компенсации морального вреда. Так, по смыслу п. 26 постановления №33 суду, помимо собственно действий или бездействия причинителя, причинно-следственной связи, формы, степени вины причинителя, следует принимать во внимание также полноту мер, принятых последним для снижения или вовсе исключения вреда. С учетом ранее сформулированных выводов Суд указывает на необходимость учета стремления причинителя добровольно, до обращения в суд потерпевшего компенсировать ему моральный вред, достаточность такого добровольного возмещения при его осуществлении, его ориентированность на непосредственное заглаживание моральных страданий пострадавшего (п. 24 постановления №33), а также в целом существо и значимость прав и нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред, степень их умаления (интенсивность, кратность, масштаб и длительность посягательства), поведение самого потерпевшего при причинении вреда, тяжесть, степень и длительность расстройства его здоровья, возможность ведения им прежнего образа жизни, индивидуальные особенности пострадавшего (п. п. 27, 28 постановления).

Подобный – индивидуализированный и конкретизированный – подход начал формироваться на уровне решений Верховного Суда еще до публикации обновленных разъяснений. Так, в Обзоре

судебной практики Верховного Суда РФ №4 (2021 г.) Суд указал на недопустимость формального подхода к определению размера компенсации, отметив, что «судебными инстанциями не выяснялась тяжесть причиненных истцу физических и нравственных страданий в связи с полученными им травмами, не учтены реабилитационные мероприятия, назначенные Б. в связи с инвалидностью, а также не принята во внимание степень вины причинителя вреда». При этом, как подчеркнул Суд, в обоснование требований о компенсации морального вреда потерпевший ссылался на пережитый им в результате дорожно-транспортного происшествия сильнейший болевой шок, страх смерти, длительность нахождения в реанимации и в целом лечения, болезненность операций. Немаловажно и то, что в результате дорожно-транспортного происшествия потерпевший утратил возможность вести привычный для него как молодого человека активный образ жизни, а причинитель вреда не принес ему никаких извинений, не предпринял мер к компенсации причиненного вреда.

В приведенном деле суд первой инстанции, с которым в дальнейшем согласились апелляционный и кассационный суды и не согласился Верховный Суд, присудил потерпевшему компенсацию морального вреда в размере 400 000 рублей при том, что последний заявлял требование о компенсации в размере 9 000 000 рублей. В то же время Судом при постановлении его решения о передаче дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции было указано лишь на несоответствие закону решений нижестоящих инстанций, при этом закономерно, что никаких числовых и относительно определенных пределов необходимой в данном случае и приемлемой компенсации дано не было.

Данный пример ярко иллюстрирует современное состояние правоприменения при рассмотрении дел, связанных с компенсацией лицам моральных страданий, вызванных преступным повреждением их здоровья, причинением смерти их родственникам. На отсутствие единообразия в оценке причиненного морального вреда при посягательстве на одни и те же нематериальные блага, нарушении личных неимущественных прав неоднократно указывалось в научной и практической литературе. В частности, авторами методических рекомендаций по определению размера компенсации морального вреда при посягательстве на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека отмечается, что «вопрос об определении размера компенсации морального вреда во всех странах неизбежно переходит в область судейского усмотрения и решается на основе этической интуиции суда (как сказано в п. 2 ст. 1101 ГК РФ, с учетом требований разумности и справедливости), сдерживаемой лишь необходимостью ориентироваться на сложившиеся в практике средние суммы присуждаемых компенсаций» [1. С. 10]. Обращая внимание на существующие трудности в определении размера компенсации, авторы указывают на проблемы корректирующей, а также вертикальной и горизонтальной

справедливости, наличие которых обуславливает общественный и правоприменительный запрос на «мягкую стандартизацию размеров компенсации морального вреда» [1. С. 13].

Предлагаемые в литературе пути «сглаживания» ситуации и унификации способов определения размеров компенсации в большинстве случаев предполагают использование правоприменителем разнообразных формул. Одним из первых ученых, кто допустил подобный способ расчета моральных страданий, был А.М. Эрделевский, по мнению которого «для облегчения учета упомянутых критериев (представленных в законодательстве ориентиров для определения размера компенсации – В.Г.) при определении размера компенсации действительного морального вреда можно рекомендовать применение формулы, объединяющей все эти критерии: $D = d \times f_v \times i \times c \times (1 - f_s)$ » [2]. В приведенной формуле размер компенсации действительного морального вреда (D) определяется как произведение размера компенсации презюмируемого морального вреда (d), степени вины причинителя вреда (f_v), коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего (i), коэффициент учета заслуживающих внимания фактических обстоятельств причинения вреда (c), степень вины потерпевшего (f_s).

В уже упоминавшихся методических рекомендациях предлагается схожая по существу формула, принимаемыми во внимание величинами в рамках которой должны выступать: БВК (базовая вменяемая компенсация морального вреда, примерные размеры которой предложены авторами), КСС (коэффициент индивидуальной степени страданий), ФВ (коэффициент формы вины), ИОО (коэффициент индивидуальных особенностей ответчика), ВП (коэффициент степени вины потерпевшего), ОВП (иные фактические обстоятельства). В результате умножения указанных величин, по мнению авторов, возможно наиболее достоверное определение размера компенсации моральных страданий [1. С. 37 – 52].

В то же время очевидно, что и в приведенных формулах не исключена определенная доля усмотрения, поскольку базовые для них показатели определяются авторами также произвольно, в привязке к размерам МРОТ и прожиточного минимума. Кроме того, представляется, что само введение формул для определения понесенных лицом моральных страданий приносит значительную долю формализма в определение размера компенсации, что вряд ли соответствует правовой природе анализируемого способа защиты.

В рамках данных формул и предлагаемых Судом ориентиров, приведенных ранее, не учитывается и еще одно немаловажное обстоятельство: определение размера компенсации неразрывно связано с определением в целом основания для ее применения – морального вреда как физических и нравственных страданий, негативных изменений в эмоциональной сфере лица. Данный вред по своей сути строго индивидуален, персонифицирован, не предполагает какой-либо универсализации и возможности единства в подсчете для всех лиц, а также, что наиболее важно, напрямую зависит от психоэмоционального состояния потерпевшего как до посягательства на его

нематериальные блага, так и после. Одна и та же релевантная для права ситуация, даже связанная с причинением вреда здоровью, где наличие моральных страданий предполагается¹, у одних лиц может вызывать значительные страдания, а у других не вызывать никаких, либо вызывать, но совсем несущественные. При этом очевидно, что в отсутствие страданий вести речь об учете вины правонарушителя, поведении самого потерпевшего, интенсивности нарушения и других обстоятельствах для целей определения размера компенсации уже бессмысленно. Именно вред, страдания, возникшие вследствие определенного неправомерного деяния причинителя, должны являться первоочередным и основным объектом внимания суда и лишь в дальнейшем – при установлении их наличия – приобретать конечный «денежный» вид с учетом иных условий гражданско-правовой ответственности и обстоятельств дела.

Уточнение ориентиров, которые судам следует принимать во внимание при определении размера компенсации, предпринятое Верховным Судом, хоть и следует в целом оценить положительно, не стоит рассматривать как окончательное решение проблемы. Сколько бы ни было ориентиров, вызванное нарушителем страдание, его глубина, степень влияния нарушения на потерпевшего всегда будут оставаться в недоступной по объективным причинам для суда плоскости, а следовательно, неминуемо будут оцениваться конкретными правоприменителями с опорой на их собственный жизненный опыт, через призму их собственных предполагаемых переживаний и систем ценностей, а значит, итоговые размеры компенсации по определению будут оставаться исключительно субъективными.

Изложенное актуализирует необходимость поиска такого способа установления наличия морального вреда и степени на самом деле понесенных лицом моральных страданий, который позволил бы максимально возможным исчерпывающим образом сформировать у суда действительную картину актуального психологического состояния потерпевшего, обратившегося за компенсацией. Интенсивность, кратность, масштаб и длительность посягательства, поведение самого потерпевшего при причинении вреда, причинителя после причинения вреда могут стать реальной опорой для правоприменителя в оценке обоснованности предъявляемых к возмещению сумм, но при установлении наличия вреда в целом, то есть условно уже на втором уровне.

Анализ доктринальных исследований прошлого десятилетия, посвященных процессуальным особенностям компенсации морального вреда, в том числе и при совершении в отношении лица преступления, свидетельствует о значительном внимании авторов к незаслуженно забытому в настоящее время механизму, применение которого как раз и позволило бы существенно упростить процесс установления наличия оснований для компенсации, а следовательно, и определения ее размера. Речь идет об экспертизах, проводимых при заявлении соответствующих требований в уголовном и гражданском процессах.

¹ Пункт 32 постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

Существующие в доктрине позиции демонстрируют единообразие по вопросам как о положительном доказательственном потенциале таких экспертиз, так и об обязательности их использования судом при заявлении требований о компенсации моральных страданий при посягательстве на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность. Как отмечается Е.В. Козыревой, рассмотрение требований о компенсации морального вреда невозможно без проведения психологической, медицинской или психиатрической экспертизы [3]. Близкой к указанной позиции придерживается и М.А. Степанов, рассматривавший заключения экспертов как одно из основополагающих доказательств по гражданским делам о компенсации морального вреда: по мнению автора, однако, экспертиза (судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-психологическая, комплексная психолого-психиатрическая), проводимая в рамках гражданского судопроизводства, должна применяться ограниченно, и не столько для целей определения собственно оснований компенсации, сколько для выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для дела [4. С. 10]. Уточнял круг последних С.П. Олефиренко, отмечавший, что для установления обстоятельств, «выходящих за рамки главного факта, а именно: значимости утраченных благ для потерпевшего; причинной связи между физическим, имущественным вредом, вредом, причиненным нематериальным благам и психологическими переживаниями лица (нравственными и физическими страданиями); индивидуальных особенностей потерпевшего, влияющих на интенсивность его страданий, необходимо обязательное назначение и проведение экспертизы» [5. С. 6]. Последняя при этом может быть как судебно-психологической, так и комплексной психолого-психиатрической, медико-психологической. На важность экспертных мероприятий как доказательств, позволяющих получить информацию о причинно-следственной связи между неблагоприятными последствиями морального характера и преступным посягательством, указывал и И.А. Сухаревский [6].

Особое внимание экспертным мероприятиям по делам, связанным с компенсацией морального вреда при причинении преступления, уделяла А.Н. Калинина, подчеркивавшая психологическую природу морального вреда в целом. По мнению автора, поскольку содержанием нравственных страданий в любом случае являются негативные изменения психической деятельности, постольку и раскрыт моральный вред в каждом конкретном случае может быть исключительно посредством проведения судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы [7. С. 8]. Как отмечает А.Н. Калинина, экспертизы, предметом исследования которых являются моральные страдания, – относительно новый вид судебно-психологических экспертиз, имеющий собственные «задачи, экспертные понятия, специфический комплекс методов исследования... Предметом судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда являются фактические данные о негативных изменениях психической деятельности пострадавшего, наступивших в результате действий (бездействия) причинителя вреда,

определяемые с помощью специальных психологических знаний. Объект – психическая деятельность пострадавшего в юридически значимый период. Экспертиза по делам о компенсации морального вреда занимает межродовое и межвидовое положение в общей системе СПЭ» [7. С. 8 – 9].

Современные исследования, посвященные доказательственному значению и особенностям экспертиз в делах о компенсации морального вреда, сосредоточены по большей части в периодических изданиях. Как и прежде, в настоящее время отмечается значительная роль экспертных мероприятий в рамках гражданского и уголовного судопроизводства, позволяющих прояснить наличие основания для компенсации морального вреда.

Примечательно, однако, то, что на уровне актуальных исследований авторы уделяют более пристальное внимание определению того, о какой, собственно экспертизе применительно к оценке моральных страданий потерпевшего должна идти речь и какие вопросы должны ставиться судом перед экспертом. Так, по мнению О.Е. Беркович и Е.Б. Матрешиной, «закключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы более эффективно, полноценно и глубоко может отвечать на вопросы предварительного или судебного следствия» [8. С. 82], при этом на разрешение эксперта должны ставиться вопросы, ответы на которые позволят сформировать устойчивое представление как об индивидуально-психологических особенностях личности подэкспертного, предопределивших интенсивность моральных страданий, так и о влиянии на личность потерпевшего действий причинителя вреда. Ранее на необходимость комплексного исследования и с психологической, и с психиатрической позиций указывали Н.Ю. Рычкова и М.А. Лисняк, с точки зрения которых участие при производстве в равной степени и психолога, и психиатра способствует получению наиболее объективного искомого результата о степени влияния правонарушения на потерпевшего: «так, объектом исследования психиатра является патологическая психическая деятельность лица. В его задачи входит выявление отклонений в психической деятельности лица, вызванных психическими расстройствами, как собственно патологическими, так и находящимися на грани нормы и патологии.... при проведении экспертизы требуется участие психолога, поскольку установление индивидуально-психологических особенностей личности непосредственно входит в его обязанности» [9. С. 200].

Экспертные мероприятия, проводимые по делам о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, положительно оцениваются и представителями профессионального медицинского сообщества, которые при этом указывают на востребованность именно судебно-психологических экспертиз [10, 11].

С процедурной точки зрения сама возможность организации и проведение судебно-психологических экспертиз (далее – СПЭ) в делах о компенсации морального вреда законодательно не исключается. Так, как следует из ст. ст. 1, 9, 11 ФЗ «О государственной

судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также утвержденного в соответствии с ними приказа Министерства юстиции РФ от 20 апреля 2023 г. №72 психологические экспертизы, предполагающие, в том числе исследование психологии человека, относятся к числу судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Согласно ГОСТ Р 57344-2016. «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» судебно-психологическая экспертиза представляет собой одну из основных форм применения специальных психологических знаний в судопроизводстве, часть судебной психологии как раздела юридической психологии, объектом которой является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях (периодах времени, в которых протекает подвергаемая экспертному исследованию психическая деятельность подэкспертного лица), предметом – фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия, устанавливаемые с помощью специальных знаний и практических навыков эксперта в области психологии путем исследования объектов, представленных на исследование. Моральный вред (понимаемый в ГОСТ Р 57344-2016 как особенности психической деятельности субъекта, обусловленные нарушением неимущественного или нематериального права как психотравмирующим событием, выражающиеся в наличии изменений психического состояния, сопровождающихся преобладанием отрицательно эмоционально окрашенных переживаний, что влечет за собой нарушение социальной адаптации на различных уровнях, в одной или нескольких сферах деятельности личности, как психологическое содержание юридического понятия «моральный вред») прямо отнесен указанным национальным стандартом к предметной сфере СПЭ в гражданском процессе.

В уголовном же судопроизводстве, не исключая возможность предъявления потерпевшим гражданского иска о компенсации морального вреда (ст. ст. 42, 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ)), проведение СПЭ с целью установления наличия и степени моральных страданий потерпевшего, как представляется, исключается. По смыслу положений ч. 2 ст. 309 УПК РФ необходимость производства дополнительных расчетов, связанных с предъявленным в уголовном процессе гражданским иском и требующих отложения судебного разбирательства, по инициативе суда может быть признана основанием для оставления гражданского иска без рассмотрения с признанием права на его удовлетворение в порядке гражданского судопроизводства. Закономерным исключением из данного законодательного подхода является ситуация, при которой оценка причиненного имущественного вреда значима для целей квалификации совершенного преступления и определения объема обвинения (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения

судами гражданского иска по уголовному делу»). Следовательно, для реализации возможности проведения СПЭ потерпевший по уголовному делу не лишен возможности предъявления соответствующих требований в порядке гражданского судопроизводства.

При определении круга вопросов, которые в рамках судебного разбирательства могут быть сформулированы для эксперта, авторами обращается внимание на необходимость выяснения, во-первых, изначальных индивидуальных особенностей подэкспертного лица, которые могли сказаться на интенсивности и глубине испытываемых им моральных страданий, во-вторых, актуального психологического состояния лица (переживаний лица и их выражения), степени и объема его деформации, и в-третьих, причинно-следственной связи между данной деформацией и деяниями ответчика [8, 12]. Указанные вопросы соответствуют сформулированному доктриной учению об основании и условиях гражданско-правовой ответственности в целом [13], однако, – в зависимости оттого, преступное посягательство на какое нематериальное благо или личное неимущественное право лица имело место, как представляется, не исключены их возможные уточнение и детализация. Не отрицается и ориентация на учет иных, отмеченных Судом в постановлении №33 обстоятельств, имеющих значение для дела.

В то же время, несмотря на поддерживаемый очевидно положительный потенциал СПЭ как доказательств в рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства делах о компенсации морального вреда, следует признать, что даже при наличии заключения СПЭ и установлении в нем страданий вопрос о размере подлежащей присуждению компенсации так и остается не решенным. Заключение эксперта способно лишь детально, насколько это возможно, описать состояние лица, установить реальность и степень влияния на него действий ответчика, но денежная оценка страданий, будучи вопросом права, остается компетенцией суда, рассматривающего дело, а следовательно, по-прежнему не исключена и свобода судебного усмотрения.

Кроме того, по смыслу упомянутого ранее ГОСТ метод экспертного исследования в рамках СПЭ характеризуется универсальностью и применяется в производстве всех видов и подвидов психологической экспертизы и на всех ее стадиях. При этом к общим методам СПЭ относятся наблюдение, беседа, психодиагностические методы, метод ретроспективного психологического анализа материалов дела. Ввиду описанных методов нельзя отрицать возможность определенной субъективности и неоднозначности формулируемых экспертом выводов, которые в дальнейшем могут стать основой и выводов суда.

Допустимо и иное: согласно ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее ГПК РФ) суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, при этом никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. По смыслу данной нормы суд при принятии им решения обязан отразить в нем мотивы, по которым одни

доказательства приняты им в качестве основы для формулирования его позиции по делу, а другие отвергнуты, а также основания, по которым тем или иным доказательствам было отдано предпочтение. В подобной ситуации суд, при рассмотрении дела по ходатайству одной из сторон назначивший СПЭ и получивший соответствующее заключение, с которым с учетом иных обстоятельств причинения вреда он может быть не согласен, вынужден будет в решении вступать в заочную дискуссию с экспертом, опровергая его доводы и устанавливая иную – меньшую или большую – степень моральных страданий лица. В таком случае результаты СПЭ уже не помогают суду, а затрудняют его деятельность по вынесению соответствующего решения.

Схожие проблемы, как отмечается в литературе, возникают и по делам об оспаривании завещаний по мотиву отсутствия у завещателя воли на составление его в целом либо отдельных его частей, где эксперты-психиатры прибегают к «вероятностной модальности», указывая, что «с наибольшей вероятностью можно утверждать, что психическое расстройство, препятствовавшее завещателю понимать значение своих действий или руководить ими, всё же было» [14, 15]. В подобных случаях судам приходится при вынесении решений «отбиваться» от таких, вероятностных и неопределенных по содержанию заключений, не вносящих ясности в сложившуюся ситуацию.

Закономерно возникновение вопросов и с точки зрения распределения расходов на проведение такой экспертизы. По смыслу ст. ст. 94 и 96 ГПК РФ расходы, подлежащие выплате эксперту, относятся к разновидностям судебных издержек и предварительно вносятся на счет, открытый в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, соответствующего суда стороной, заявившей просьбу о проведении СПЭ. В случае, если указанная просьба заявлена обеими сторонами, требуемые суммы вносятся сторонами в равных частях. Согласно ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 ГПК РФ. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано. При этом, как отметил Верховный Суд РФ в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 №1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» при разрешении исков неимущественного характера, в том числе имеющих денежную оценку требования, направленного на защиту личных неимущественных прав (например, о компенсации морального вреда), правила о пропорциональном возмещении расходов не применяются.

Буквальное толкование данных законодательных положений приводит к следующему выводу: если лицо обратилось в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного

здоровью, в размере 200 000 рублей и по его ходатайству была назначена и СПЭ, в счет проведения которой он внес 40 000 рублей и опираясь на которую суд присудил лицу 100 000 рублей, то такое лицо сможет получить с ответчика все 40 000 рублей в счет проведенной экспертизы. Если же экспертиза в период рассмотрения дела была проведена за счет ответчика и по его ходатайству, то при описанном решении он не имеет право на взыскание с истца каких-либо сумм. С одной стороны, представленное решение видится логичным и справедливым: при удовлетворении, даже частичном, требований о компенсации морального вреда очевидно, что судом при помощи СПЭ было установлено наличие самих моральных страданий и причинно-следственной связи между их возникновением и поведением ответчика. При этом на момент обращения, особенно в контексте небезызвестной сложившейся в России практики, зачастую предполагающей занижение сумм взыскиваемых компенсаций, истец заинтересован ставить значительные суммы, надеясь на удовлетворение требований хотя бы в подавляющей части и будучи уверенным в наличии у него страданий в целом.

В то же время возможна и негативная ситуация с перекосом в распределении расходов на проведение экспертизы: так, допустимо, что при тех же вводных ответчик признает, что причинил истцу моральные страдания, но оценивает их не в 200 000, а в 100 000 рублей. Истец, не соглашаясь с подобной позицией ответчика и не пойдя на заключение мирового соглашения, ходатайствует о назначении СПЭ и оплачивает ее, затем получая решение о частичном удовлетворении его требований и о присуждении ему лишь 100 000 рублей в счет компенсации морального вреда. Складывается ситуация, при которой ответчик согласен был компенсировать истцу сумму, равную в дальнейшем присужденной, однако все равно по смыслу ст. 98 ГПК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ на него возлагается обязанность оплатить истцу полную сумму средств, затраченных на проведение экспертизы. Не исключена и возможность явного злоупотребления потерпевшим своим правом на защиту, при котором либо его страдания подтверждаются результатами СПЭ лишь в незначительной степени, либо само причинение ему указанных страданий сопровождалось его собственным поведением (ст. 1083 ГК РФ). Кроме того, при вынесении решения и распределении судом судебных расходов может оказаться, что сумма, подлежащая уплате экспертам, больше присуждаемой истцу в счет его моральных страданий.

Анализ судебной практики ожидаемо свидетельствует об общей не востребованности СПЭ, а также иных экспертиз в делах о компенсации морального вреда. Одно из немногих выявленных дел, где суд применил результаты психолого-психиатрической экспертизы для установления оснований наличия моральных страданий, было рассмотрено в 2020 г. Савеловским районным судом г. Москвы (решение Савеловского районного суда г. Москвы по делу № 2-21/20). Основанием для предъявления иска истцом стали постоянные заливы его квартиры ответчиком – соседом сверху, что, по мнению истца, привело к формированию психотравмирующей ситуации,

возникновению у него ряда заболеваний, ухудшению его здоровья. В заключении по результатам проведенной экспертизы психиатрами было установлено, что «на фоне длительной психотравмирующей ситуации, связанной с залитием квартиры и конфликтом с ответчиком, у истца развилось смешанное тревожно-депрессивное расстройство (F41.2 по МКБ-10) со снижением настроения, тревогой, ипохондричностью, раздражительностью, плаксивостью, нарушением сна, фиксацией на психотравмирующей ситуации... Между указанной выше психотравмирующей ситуацией и возникновением психического расстройства ... имеется прямая причинно-следственная связь». С психологической позиции было подтверждено наличие у истца снижения настроения, повышенной тревожности, раздражительности, вспыльчивости, нарушения внимания, чувства слабости, безнадежности, беспомощности и потери энергии, нервозности, беспокойства, плаксивости; причинно-следственная связь с действиями ответчика была также подтверждена.

В заключение стоит обратить внимание на еще одно значимое обстоятельство, способное повлиять на применение экспертиз в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Речь идет о сложившейся на практике тенденции безграничной и опасной универсализации компенсации как способа защиты гражданских прав, обуславливающей возможность компенсировать моральные страдания, возникшие в результате практически любых преступных действий третьих лиц. Причиной подобного положения дел стали в совокупности противоречащие друг другу выводы высших судов, которые нашли свое отражение в постановлении №33, определении Верховного Суда РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7, постановлениях Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 №7-П и от 26.10.2021 №45-П². Последним из опубликованных Верховным Судом РФ актов, свидетельствующих о данном нарративе, негативном для практики применения законодательства, является его кассационное определение №46-УД23-10-К6, основанием для вынесения которого стала кассационная жалоба одного из потерпевших по уголовному делу о мошенничестве, выразившего, в числе прочего, несогласие с отказом в компенсации ему морального вреда, причиненного преступлением, со ссылкой на постановление Конституционного Суда от 26.10.2021 №45-П. По мнению потерпевшего, в результате совершения преступления ему были причинены значительные моральные страдания, выразившиеся в ухудшении здоровья, потере единственной квартиры и денег от ее продажи, необходимости получать кредит, нести дополнительные финансовые затраты. Верховным Судом со ссылкой на приведенное постановление Конституционного Суда, а также на п. 13 постановления Пленума от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» был сделан вывод о потенциально возможном в

² Рассмотрение данной тенденции, а также тенденции, связанной с нивелированием роли страданий как основания для компенсации как таковых (см. постановление КС РФ №7-П от 02 марта 2023 г.) выходит за рамки настоящей работы и заслуживает внимания на уровне самостоятельного и основательного исследования.

анализируемой ситуации посягательстве на принадлежащие потерпевшему нематериальные блага потерпевшего; дело было отправлено на новое рассмотрение. В то же время, как представляется, два приведенных Судом постановления противоречат друг другу, как и раз и формируя недопустимую для правоприменения ситуацию: в постановлении Верховного Суда, посвященном гражданскому иску, действительно допускается применение компенсации при посягательстве на имущественные права, но лишь в случае, когда это посягательство одновременно и **в равной степени, непосредственно, прямо, а не косвенно** затрагивает и нематериальные блага (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия). Постановление же Конституционного Суда РФ вводит своего рода презумпцию наличия моральных страданий у потерпевшего от любого преступления, что противоречит как законодательству, так и позициям Верховного Суда РФ. Все это выглядит как намеренный обход положений п. 2 ст. 1099 ГК РФ, принятие судами на себя не свойственных им функций.

Препятствий для оценки страданий, причиненных лицу в результате, в частности, имущественных преступлений, с использованием потенциала СПЭ в настоящее время нет, однако формально ее назначение по таким категориям дел, как и в целом вышеупомянутые подходы Судов, не соответствует законодательству, поскольку направлено на установление иррелевантных с позиции правового регулирования обстоятельств. Очевидно, размытие границ в применении компенсации морального вреда как способа защиты гражданских прав, а следовательно, и в применении экспертиз по делам, связанным с ней.

Все изложенное позволяет заключить, что судебные экспертизы по делам о компенсации морального вреда обладают некоторым положительным потенциалом, поскольку способны сформировать у суда максимально приближенную к действительности картину психологического и (или) психического состояния потерпевшего лица. В то же время прояснения как на уровне доктрины, так и судебной практики требуют вопросы, связанные с оплатой расходов на проведение таких экспертиз, с четким определением их доказательственного значения, а также – что немаловажно – с ревизией института компенсации морального вреда в целом, что особенно актуально в контексте сложившихся противоречий в позициях высших судов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. Москва : М-Логос, 2023. 82 с.
2. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 304 с.

3. Козырева Е.В. Процессуальные особенности рассмотрения судами гражданских дел о компенсации морального вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 24 с.
4. Степанов М.А. Доказывание по гражданским делам о компенсации морального вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. 32 с.
5. Олефиренко С.П. Доказывание морального вреда и вреда, причиненного деловой репутации юридического лица, в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 29 с.
6. Сухаревский И.А. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 29 с.
7. Калинина А.Н. Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 248 с.
8. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б. Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы по делам о моральном вреде в рамках уголовного и гражданского судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №4 (32). С. 80 – 84.
9. Рычкова Н.Ю., Лисняк М.А. Экспертная оценка морального вреда // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. №1(10). С. 197 – 201.
10. Южанинова А.Л. К вопросу о структуре судебной психологической экспертизы // Российский психологический журнал. 2008. №2. С. 39 – 46.
11. Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. Некоторые особенности производства судебно-психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. №2. С. 36 – 39.
12. Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. О судебно-психологической экспертизе морального вреда // Российский психологический журнал. 2007. №1. С. 29 – 37.
13. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: Учебное пособие. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Шишков С.Н. Вероятные заключения судебных экспертов-психиатров // Законность. 2019. №2 // СПС «Гарант».
15. Вершкова Е. Оспаривание завещания по основаниям ст.177 ГК РФ: проблемы доказывания // Жилищное право. 2015. №4. С. 33 – 42.

15 ноября 2022 года Пленумом Верховного Суда РФ было опубликовано постановление №33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», пришедшее на смену разъяснениям 1994 года. Особенностью нового постановления явился расширенный перечень обстоятельств, на которые, по мнению высшей судебной инстанции, судам следует ориентироваться при решении наиболее сложного вопроса применения компенсации морального

вреда в целом – определении ее размера. Решению данной проблемы посвящены и многочисленные доктринальные исследования, авторы которых предлагают введение соответствующих формул для подсчета размера компенсации, учитывающих как индивидуальные особенности потерпевшего лица, так и иные значимые для дела обстоятельства (степень вины нарушителя, интенсивность посягательства и проч.).

В то же время как сформулированные Верховным Судом ориентиры, так и предлагаемые в науке формулы не учитывают сложности в установлении самого главного для дела о компенсации морального вреда обстоятельства, основания ее присуждения – наличия моральных страданий как таковых. Сколько бы ни было ориентиров и насколько ни были бы точны и развернуты формулы, вызванное нарушителем страдание, его глубина, степень влияния нарушения на потерпевшего всегда будут оставаться в недоступной по объективным причинам для суда плоскости. Вследствие этого данные страдания неминуемо будут оцениваться конкретными правоприменителями с опорой на их собственный жизненный опыт, через призму их собственных предполагаемых переживаний и систем ценностей, а значит, итоговый размер компенсации по определению будет исключительно субъективен. Изложенное актуализирует необходимость поиска такого способа установления наличия морального вреда и степени на самом деле понесенных лицом моральных страданий, который позволил бы максимально возможным исчерпывающим образом сформировать у суда действительную картину актуального психологического состояния потерпевшего.

Анализ доктринальных исследований свидетельствует о значительном внимании авторов к психологическим и (или) психиатрическим экспертизам – механизму, применение которого и позволило бы существенно упростить процесс установления наличия оснований для компенсации, а следовательно, и определения ее размера. В то же время, несмотря на ряд очевидных достоинств подобных процессуальных мероприятий, они имеют и ряд недостатков: ограниченность применения в уголовном судопроизводстве, проблемы в распределении расходов на их проведение и в оценке их доказательственного значения в целом. Применение судебно-психологических и судебно-психиатрических экспертиз осложняется и современными нарративами в правоприменении, ставшими следствиями противоречий в позициях Верховного и Конституционного Судов РФ.

Сведения об авторе:

Гончарова Валерия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета;

Россия, Томская область, г. Томск, 634050, пр. Ленина, 34, valeria.goncharova.93@bk.ru
+79234193834

Главному редактору научного
журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Право»
профессору В.А. Уткину

Я, Гончарова Валерия Андреевна, прошу Вас опубликовать мою статью «Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением» в научном журнале «Вестник Томского государственного университета. Право».

Настоящим даю свое согласие научной редакции журнала:

- 1) на осуществление рецензирования и редактирования моей статьи «Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением», а также совершение иных необходимых действий для ее опубликования, включая электронное форматирование текста и перевод всей или части статьи на иностранные языки. Указанные действия при этом не должны влечь за собой изменения смысла статьи, ее сокращения или включения дополнений к ней, сопровождения ее какими-либо пояснениями, комментариями без моего согласия;
- 2) на совершение издателем журнала и лицами, имеющими право использования исключительных прав на журнал «Вестник Томского государственного университета. Право», любых действий, направленных на доведение моей статьи «Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением» до всеобщего сведения, в том числе на ее воспроизведение, распространение как в составе составного произведения (журнала «Вестник Томского государственного университета. Право»), так и отдельно, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих авторских прав (в том числе права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения);
- 3) извлечение из моей статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных РИНЦ – Российский индекс научного цитирования, содержащей библиографическую информацию (библиографическое описание статей и приставленные ссылки) и иные аналогичные базы данных;
- 4) на обработку, распространение и на трансграничную передачу в документальной (на страницах научного журнала) и (или) электронной форме необходимых для опубликования моей статьи следующих персональных данных: фамилия, имя, отчество; дата рождения; гражданство; образование, профессия (специальность), место работы, должность, ученое звание, ученая степень, почетные звания; адрес места жительства; номер домашнего и (или) мобильного телефона; адрес электронной почты. Подтверждаю, что положения п. 2 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» мне известны и понятны.

«10» июня 20 13 г.
  подпись